УДК 101.1-9

ОСНОВНОЕ ПРАВИЛО ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ[1]

Ахенбах Герд Б. (Achenbach Gerd B.)
Международное общество философской практики (IGPP),
руководитель регионального отделения IGPP,
доктор философии, философ-практик,
г. Бергиш Гладбах (Bergisch Gladbach), Германия.
E-mail: post@Gerd-Achenbach.de

Аннотация
В статье разъясняются суть и значение философской практики как направления современной философии на основе анализа трех главных тезисов, характеризующих ее фундаментальную роль. В заключение статьи обосновывается ценность философской практики с опорой на концепцию Б. Рассела.

Ключевые понятия:
философия,
философская практика,
философское консультирование,
современная западная философия,
К. Поппер,
Р. Бубнер,
Б. Рассел.

Философская практика выступает против главного требования академической философии и поэтому враждебна ей. Она должна ориентироваться на темы, проблемы и вопросы, которые занимают того, кто обращается к философу, а не на то, – как это привычно для университетских преподавателей философии – что берется из их собственного репертуара, чтобы предлагать другим то, что занимает их самих. Набросаем картину, которая понятна любому, кто знает правила шахматной игры: клиент философа-практика играет белыми, философ-практик – черными. Таким образом, не философия как таковая начинает игру, сначала в игру вступают вопросы, адресованные философии.

Я попытаюсь далее разъяснить значение этого основного правила.

Первый тезис

1. Философия, которая начинается именно с того, о чем ее спрашивают, безгранична в отличие от требований, предъявляемых к наукам. Она – не специальность, не учебная дисциплина в академическом смысле слова. И философ – не эксперт. Следовательно, то, что является практической философией, также нельзя определять через указание на какую-то особую «компетентность» (*Zuständigkeit).*

Представим себе мужчину, которому плохо живется в браке. Он разочарован и ищет выход из создавшегося положения. Этот мужчина идет к адвокату и начинает рассказывать ему о своих заботах.

Если допустить, что юрист будет слушать все, о чем ему рассказывает клиент, это определенно будет с его стороны прекрасный человеческий жест, однако как юрист он не обязан откликаться на эти заботы. Поэтому, скорее всего, когда его терпению придет конец, он спросит своего клиента: «Так все-таки вы хотите развода или нет? Если да, я охотно помогу вам». Действительно, как юрист он отвечает за такой выход из ситуации, однако наш мужчина совсем не знает, ищет ли он именно такое решение проблемы. Развестись или нет – он решает сам, это не является вопросом, решаемым юристом.

«Если вы рассчитываете, что я буду помогать вам, – говорит ему адвокат, – вы должны знать, чего вы хотите». Тем не менее, дилемма, с которой обратился наш мужчина по ошибочному адресу, как раз и состоит в том, что он не знает, чего он хочет.

В положении, в котором он уже не может благополучно жить, его одолевают всяческие

[1] Доклад, сделанный в Женевском университете 8 мая 1988 года.
Перевод выполнен С.В. Борисовым по изданию: Gerd B. Achenbach. Die Grundregel Philosophischer Praxis // http://www.achenbach-pp.de/de/philosophischepraxis_text_online.asp. (Дата обращения 17.09.2016 г.).

сомнения, которые еще более препятствуют его «освобождению», поэтому не удивительно, что наш мужчина может заболеть. Он страдает от болей в горле, затрудняющих ему глотание, – феномен, который часто сопровождает тревогу изоляции, сопряженной со страхом предстоящей потери. Итак, мужчина отправляется к врачу. При этом мы допускаем, что он приходит к медику, который отдает себе отчет – в этом случае совершенно уместный – что многие страдания, на которые сетуют пациенты, так или иначе связаны с обстоятельствами их жизни, их заботами или страхами. И этот врач, также как раньше юрист, некоторое время будет терпеливо слушать жалобы пациента, и, возможно, обдумывать про себя, в какой мере болезнь мужчины является выражением, или, говоря медицинским языком, «симптомом» нерешенного внутреннего конфликта. Однако как врач он может только ликвидировать или смягчить возникшие последствия. Медицина не отвечает за ту тревогу, которая, возможно, стала причиной визита мужчины к врачу; она может только понимать эту тревогу, не говоря уже о том, чтобы понимать возможность полезных решений, исходя из этого, однако практическая работа с ней (тревогой) – это не ее компетенция.

Говорит ли медицина, как нужно поступать с браком, – брать на себя заботу о его спасении или лучше вовсе об этом не заботиться? Скорее всего, врач (допустим, что это умный врач) будет советовать пациенту, что ему нужно сделать, чтобы не только вылечиться, но и действительно быть здоровым; так же, как юрист мог бы ему посоветовать, что он должен предпринять, чтобы осуществить развод. Однако вопрос в том, является ли здоровье тем выходом, который ищет мужчина в своей ситуации, в которой он ничего не решает и ни от чего не освобождается? Если бы это само собой разумелось – как это кажется сегодня многим – мы должны были бы утверждать, что здоровая жизнь не может быть неправильной жизнью. Как в понимании античной философии, здоровье, несомненно, считалось бы «наивысшим благом», верным проявлением хорошей жизни. Хотя такой взгляд на вещи многое может открыть и сегодня, тем не менее, он не более чем выражение утраченной наивности.

Итак, визит к врачу также ничего не решил для нашего пациента. Возможно, чтобы покончить с промедлением и не оставлять пациента в беде и бессилии, врач (именно современный, «просвещенный» врач) в дополнение к своему собственному фармакологическому предписанию (он предписывает легкое успокоительное) рекомендует обратиться к психотерапии: «Это принесет вам пользу, – говорит он. – Обсудите как-нибудь все основательно и увидите, что скоро снова все наладится».

Итак, врач отделывается (*entläßt*) от нашего мужчины, и тот обращается к психотерапии. Однако то, что ожидает его здесь, трудно точно вообразить вследствие чрезвычайного многообразия психотерапевтических приемов, школ и методов, как говорится: пусть расцветают все цветы...

Разумеется, следует указать на основную проблему – а она точно подходит для нашего воображаемого случая – основную проблему и недостаток, неважно, к какой терапии это относится. Я поясню эту проблему, процитировав заметку из дневника Эжена Ионеско: «Дж. рассказывает мне, что он знал психотерапевта, которому пришлось работать с двумя трудными случаями, которые произошли с двумя людьми, которые не были знакомы и посещали его два или три месяца ежедневно, – мужчиной и женщиной. Мужчине хотелось развестись, однако, он еще не мог внутренне порвать отношения, поэтому был не готов подавать на развод. Психотерапевт пытался объяснять ему причины его поведения и по мере сил помогал бедному мужчине расстаться с женой. Женщина, другая пациентка, страдала от нервной депрессии, так как ее муж хотел ее бросить. Психотерапевт пытался объяснять ей, что она должна вести себя иначе, чтобы удержать своего мужа, что она сама виновата в том, что муж хочет с ней расстаться» [1, с. 72–73].

Самый короткий комментарий, который, как мне кажется, можно присоединить к этой записи из дневника, – это еще одна цитата, фрагмент из «Заметок» Макса Хоркхаймера под заголовком: «Психоанализ как причина своей собственной необходимости»: «Безотчетная уверенность, чувствуя которую терапевт устраняет все помехи, – пишет Хоркхаймер, – это результат громадного недостатка. Тем, что аналитик предоставляет на усмотрение субъекта болезненную поломку супружеской любви, он скрывает прогрессирующее разрушение уже подточенного табу буржуазности; в опасной беззаботности этот маленький Ницше толкает падающего клиента на кинжал, направленный в сердце. Излечением он называет поощрение современной бесцеремонности, оказываясь на той стороне семейного конфликта, которая готова оплатить ему счет» [7].

Сейчас я не хотел бы продолжать маленькую вымышленную историю нашего несчастного человека, хотя то, что могло бы облегчить его жизнь, было бы чрезвычайно занимательно. Речь идет о священнике, и

если бы мы имели возможность разглашать его советы, мы имели бы случай рассмотреть, что представляет собой особая компетентность теолога.

Все же я должен сопротивляться этому искушению, которое, в конце концов, сделало бы историю бесконечной, но уже того, что есть, достаточно. Приведенный выше рассказ должен продемонстрировать, какое значение вытекает из нашего первого тезиса. И теперь я хочу попытаться подробно осмыслить то, о чем здесь коротко говорилось: благодаря своей специализации в соответствующей компетентности, отдельные практические науки рассматривают комплексную проблему нашего мужчины со своих точек зрения, которые, в то же время, они не могут к ней применить. «Я компетентен в вопросах развода», – скажет юрист. «Я существую для того, чтобы вы опять стали здоровы», – скажет врач. «Если вы хотите понимать ваши проблемы и работать над ними, я буду вашим терапевтом», – говорит психотерапевт со свойственной ему профессиональной эмпатией.

А философ? За что «ответственен» он? Ответ звучит так: философ ответственен ни за «что-то», ни за что-то особенное или специальное, чем он готов – до того, как он оказывается в каждой конкретной ситуации, – управлять в соответствии с профессиональной компетенцией, и теперь предоставляется случай для этой особенной компетенции. Компетентность философа требуется только для той или иной определенной проблемы. Короче говоря, в этом особом случае он становится ответственным за этот особый случай. И первый вопрос, которым он будет задаваться, звучит так: что означает быть ответственным в этом особом случае?

От специалиста – будь он ответственен за разводы, выздоровления, психогигиенические стабилизаторы настроения или технологически контролируемые поведенческие установки – от специалиста в данном случае будет отклик только на вопросы, на которые у него как специалиста уже заранее готов ответ. Для философа, напротив, интересна будет сама проблема, что означает также, что ему будет в первую очередь сомнительно, какие здесь ответы могут быть найдены в принципе.

После этого обобщения, я повторяю еще раз первый тезис: философия, которая начинается именно с того, о чем ее спрашивают, безгранична в отличие от требований, предъявляемых к наукам. Она – не специальность, не учебная дисциплина в академическом смысле слова. И философ – не эксперт. Следовательно, то, что является практической философией, также нельзя определять через указание на какую-то особую «компетентность».

Второй тезис

Дальнейший смысл ранее упомянутого основного правила, согласно которому не с философии все начинается, а сначала возникают вопросы, которые предстают перед философией, должен теперь прояснить второй тезис:

2. Философия, которая начинается с того, что другие предъявляют ей, может руководствоваться этим правилом только тогда, когда она рассматривает каждую проблему как философскую проблему и оценивает каждый вопрос философски, т.е. как вопрос, который ведет к философии.

Такому пониманию философии соответствует определение романтика Новалиса: «Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома».

К тому же необходимо отказаться от встречающейся у некоторых философов склонности делать различие между «философскими» и «нефилософскими» вопросами или проводить непреодолимую границу, отделяющую «философскую» территорию от других научных областей.

Карл Поппер поясняет, что вся его философская работа связана с нефилософскими проблемами, и дополняет: «Настоящие философские проблемы всегда имеют свои корни в злободневных проблемах, лежащих в областях, которые не принадлежат философии» [3, с. 128]. В качестве примеров таких, «не принадлежащих философии» областей, он приводит политику, социальную сферу, религию, космологию, математику, естествознание, историю. Приближаясь совсем близко к этому требованию, он в то же время посредством развития проблемы (*Problembewegung*) снимает различие в принципе, которого он ранее недиалектически придерживался, а именно, различия между «философской» и «не принадлежащей к философии» территории. Преодолением этого противопоставления, которое при всем притом нужно фактически признать, стало отчуждение, которым уже занимался – как хороший ученик Гегеля – Людвиг Фейербах и предвосхитил тем самым основную особенность современной философии. Я цитирую Фейербаха, а именно то, что он требует с особой решительностью и что подтверждает также требование моего второго тезиса: «Философ должен быть для людей тем, кто не философствует, кто скорее против философии, кто оппонирует мышлению, принятому в философском тексте. Только таким образом философия будет иметь универсальную, непротиворечивую, неопровержимую, непреодолимую власть. Поэтому философия имеет дело не сама с собой, а

со своей противоположностью, начинается с нефилософии» [5, с. 382].

Короче говоря, философия – это неограниченный интерес и безграничное внимание. Таким образом, нужно оставить известный обывательский призыв, по которому сапожнику следует придерживаться своих шаблонов, который в переносном смысле может быть адресован и ученому, если только он по собственной инициативе уже не обезопасил себя в научном пространстве определенной сферой деятельности. Это возражение также направлено против философии, против совершенно бесполезной сентенции, такой, как: философия не имеет шаблонов, кроме тех, которые установила своей собственной мыслью. Там, где философия соответствует своему имени, она не производит мыслей по заготовленному образцу, но обеспокоена тем, как через «вещь» к нам может прийти мысль. И поводом для такого размышления – и об этом следует сказать еще раз – для нее может быть все что угодно: «Вопросы появляются, – по словам Рюдигера Бубнера, – и это обычно происходит неожиданно. Хорошо оберегаемый канон вечных тем оказывается под вопросом и становится декорацией фиктивной *philosophia perennis»* [6].

Однажды Кьеркегор, чтобы проиллюстрировать в легких тонах это выходящее за границы намерение, задумался о возможности философии поцелуя, находя, впрочем, странным, что об этом еще ничего не написано, и вопрошал: «Является ли причиной этого недостатка в литературе то, что философы о таких вещах не размышляют, или то, что такие вещи нельзя представить философски?» Он даже добавил к решению этого вопроса несколько «первых штрихов», таких, как: чтобы «достичь полноценного поцелуя, действующие лица должны быть женщиной и мужчиной». «Мужские поцелуи» он, напротив, признает безвкусными и, что еще хуже, имеющими «неприятный привкус». Хотя этот «привкус» примешивается к любому поцелую, ставшему привычным. «Это относится, например, к домашнему поцелую между супругами, к которому они прибегают за неимением салфетки, взаимно вытирая себе рот, говоря при этом: ваше здоровье!» [2, с. 30]

Это не более чем небольшое отступление. Поэтому нужно вернуться назад к более серьезным, более фундаментальным вопросам, которые поднял Рюдигер Бубнер. В другом месте его уже процитированной выше статьи говорится: «Мысли, образованные философией, соотносятся с существующими знаниями, но они обнаруживают их рациональные пробелы, признавая их в качестве собственных вопросов». Кстати, с ходом мысли Бубнера легко совместимо дополнение, которое относится к философскому освещению не только существующих знаний, но и предпринятых действий, относящихся к формам и образам проживания жизни и т.д. Однако вслушаемся в то, о чем пишет Бубнер: «Осознание проблем, не видимых в нормальных, опирающихся на повседневную практику и науку знаниях, ставит на первый план работу философских концепций». Так же несомненно с позиции Бубнера то, «что философия постигает такие проблемы, которые вне ее самой никогда не могут быть познаны как проблемы» [6].

Теперь рассмотрим, как применимы эти соображения к попытке пояснить мой второй тезис, а также к высказанной готовности и надежде на возможность философии рассматривать каждую проблему именно как философскую проблему и оценивать каждый вопрос философски, т.е. как вопрос, который ведет к философии?

Чтобы прояснять это, я воспользуюсь моим следующим и дальнейшими вопросами: как принципиальная неполнота и безграничность делает философский интерес вообще возможным, и как этот интерес приводится в действие? Именно поэтому нельзя сказать, что какая-то проблема и какой-то вопрос – или какое-то из существующих знаний, которое обнаруживает философия, – сами по себе уже философские проблемы, философские вопросы и философские знания, хотя они, несомненно, могут стать философскими.

Тем не менее, прежде чем я (вместе с моим третьим тезисом) попытаюсь ответить на этот вопрос, который дает понять потенциал философии, чтобы впоследствии трансформировать это в новый вопрос, который пробуждает другие философские мысли, и тщательно его обсудить, я хотел бы продемонстрировать на примере, как все изменяется с появлением философии, как только она вступает в свои права, а не ограничивает свой интерес определенными «объектами». Я назвал бы это условием, которое должно реализоваться, если философия на практике хочет следовать своему основному правилу, которое требует от нее, чтобы она начинала не с себя, но с того, с чем она столкнулась и что ей было преподнесено для философской рефлексии.

В качестве примера я возьму небольшую, но ставшую очень известной книгу столь же известного философа Бертрана Рассела, которую он написал в 1912 году под названием «Проблемы философии». Уже само название сигнализирует о таком понимании философии, которое подвержено самому прекрасному или самому дурному широко распро-

страненному предрассудку. В соответствии с ним философия содержит в себе, в отличие от других научных областей, особый запас эзотерического глубокомыслия и фундаментальных проблем, даже если не подниматься ввысь в разреженный воздух самого последнего из ее вопросов: «Почему есть нечто, а не ничто?» (цитирую самый известный пример).

Итак, Рассел, который хочет познакомить нас с «проблемами философии», начинает свое изложение на декартовский манер с одного из четырех главных вопросов Канта, в данном случае с вопроса «Что я могу знать?» Он называет этот вопрос «основной философской проблемой». Разумеется, это правда. Но давайте послушаем, как этот вопрос трактуется Расселом: «Есть ли вообще знание столь несомненное, что ни один разумный человек не может усомниться в нем?» [4, с. 156]. И затем он добавляет, что философия есть не что иное, как «попытка ответить на эти последние вопросы».

Что ж, если бы это было правдой, то подавляющее большинство философских библиотек было бы макулатурой, и большинство из того, что было заимствовано из философии, мы могли бы с уверенностью выбросить или переработать как макулатуру. Тем не менее, достаточно лишь небольшой поправки, с которой Рассел бы наверняка согласился, для того, чтобы его точка зрения сразу же утратила свою односторонность и узость. Ее было бы достаточно, чтобы в своей патетической форме вопрос уже нес сократовский импульс, который отнюдь не очевиден, но очень хорошо чувствуется даже в трактовке Рассела. Этот импульс, являющийся первичным, заключен, может, в сократовском, а может, в самом первоначальном вопросе философии: можем ли мы что-то знать со всей достоверностью? Что это? Может, это то, для познания чего у нас есть достаточные средства, или то, что для нас кажется неопровержимым (что вполне соответствует научной точке зрения), или, что еще лучше, то, в чем мы убеждены? Через эти вопросы мы подходим к основам философской практики, к осознанию того, что мы не можем думать дальше, пока не избавимся от своей ригидности или догматической убежденности, а возможно, и от ослепленности идеологией.

В связи с этим я бы хотел в противовес расселовскому пониманию философии рекомендовать в качестве необходимого философского индикатора следующее: дело философа не начинать свою мысль без предварительных условий в воображаемой точке «ноль», но продолжать думать даже там, где сила мысли дает сбои или спасается обманчивыми заверениями, чтобы покоиться на ложе удобных привычек. Короче говоря, ваше предназначение как философа в том, чтобы вновь и вновь стимулировать силу мышления, потерявшего свою остроту. Философия может задаваться самыми великими, возвышенными и благородными вопросами; но если они останутся в своих собственных границах, не нарушат их, они, тем не менее, будут бесполезны.

Я бы хотел завершить этот маленький поясняющий экскурс. Книга, соответствующая приведенному выше образу мыслей, которая должна комментировать работу Рассела, называлась бы не «Проблемы философии», а «Какие проблемы могут возникнуть перед философией и что с ними будет, если философия возьмется за них». Все же, вместе с тем я возвращаюсь назад к моему второму тезису, который я должен разъяснить вместе со следующим третьим тезисом. Комментария требует утверждение, что только такая философия, которая могла браться за каждый вопрос и за каждую проблему философски, будет соответствовать основному правилу философской практики, которое требует начинать философию не с нее самой, а с того, с чем она сталкивается.

Третий тезис

Теперь вопрос, который присоединяется к этому, звучит так: «Как это вообще возможно? Что является той предпосылкой, которая позволяет философии говорить обо всем?» Ответом служит наш третий тезис:

3. Философская мысль соотносится со всеми формами знания, утверждения, мнения по поводу ощущений и чувств, отношений и действий, а также с равным правом по поводу любой научно установленной теоремы, потому что все это, в свою очередь, есть проявление мысли, говоря словами Гегеля, все это принадлежит «феноменологии духа».

Возьмем в качестве примера науку. В ней аккумулируется все мышление, оно как бы свернуто в ней, методически связано и теперь работает автоматически, что, кстати, является не только успехом наук, но в то же время, и в настоящий момент это все больше осознается, их недостатком. Но что происходит, когда философия встречается с наукой? Если говорить образно, она пробуждает к знанию спящий разум. То есть она отбрасывает теории назад к динамике мысли, которой они обязаны своим происхождением. Эта динамика мысли послужила для них лестницей, которой они воспользовались, чтобы затем ее отбросить.

В принципе то же самое происходит и тогда, когда философия встречается на

практике с повседневными вопросами, проблемами «прозы жизни», трудностями, которые связаны с обычным поведением людей, привычками, оценочными стереотипами, которые исподволь становятся правилами мышления. В этом хаосе философская мысль выступает с позиции наивности, позиции человека, который смотрит вокруг, как будто впервые; приводит все в порядок, реконструирует; задавая вопросы, проверяет тот или иной конкретный случай объяснения; объединяет, чтобы потом опять разъединить; пробует – просто из любопытства – те пути, которые ранее игнорировались; изучает и рассматривает все возможности интеллектуального осмысления, застрявшие на полпути к реальности. Наши несомненности с позиции этого стороннего взгляда понимаются как ошибочные, нуждающиеся во внимательном уточнении, согласовании и проверке. В свете сказанного выше, а также на основе этого импрессионистского обзора, ясно, что философская мысль движется здесь в своем обычном русле, во всем этом она как у себя дома или, как поправил бы Новалис, у нее есть «тяга повсюду быть дома». Философия, согласно другому его изречению, существует «везде и нигде».

То, что она вообще может ориентироваться в этом «везде», есть причина того, что даже самое глупое мнение, самая банальная точка зрения и самый закоренелый предрассудок произрастают на том же дереве, на котором также растет философская мысль.

Итак, еще раз: философия есть вещь универсальная. И хотя об этом не было сказано, но, вероятно, будет ясно теперь, она включает в себя все знания, все, что было продумано, исследовано и узнано, принадлежало ей, на философии базируется весь мир знаний во всем его многообразии. Она находит ко всему доступ, потому что ранее ее первоначальный элемент уже присутствовал в любом знании, мнении, даже в самой надежде, вере, суждении и оценке и т.д., в качестве мышления, которое в очень широком значении Гегель называл «духом». Как только это станет ясно, философию можно смело применять, согласно основному правилу философской практики, к тому, с чем она столкнулась. Но неся в себе эту смелость, философия добивается успеха в самой своей деятельности, открывающей ей себя во всем другом, то есть, в мышлении, как моменте всеобщего изменения и возвращения, к которому она присоединяется, и который она ожидает впереди, наподобие фермента, наращивая свою эффективность. Только тогда философия заслуженно будет называться «философской практикой».

В качестве дополнения – о «ценности философии»

Хотя я, таким образом, подошел к итогу тех соображений, которые хотел развить, – опять-таки оговорюсь, что они лишь будят мысль, и их нужно еще тщательно прорабатывать, – я бы не хотел заканчивать на этом. Поэтому я еще кратко остановлюсь на одной главе из книги Бертрана Рассела «Проблемы философии», которую я представил вашему вниманию ранее, когда говорил, что в отличие от его видения философии, для меня нет философии там, где она не практикуется. Итак, в тексте главы, озаглавленной «Ценность философии», мы можем заметить весьма похвальный контраст, по сравнению с первоначальным высокопарным стилем, пронизанным пафосом академической философии. Там говориться о скептически мудром, активном образе жизни, непретенциозной философии, что как нельзя лучше характеризует усилия философской практики.

Я не стану полностью пересказывать эту главу, хочу лишь обратить ваше внимание на несколько особенно памятных мне мест, которые, признаюсь, меня воодушевляют. Начну с самого первого авторского соображения, в котором допускается, что философия может приносить особую и значительную пользу, в корне отличающуюся от выгоды, которую мы извлекаем, прежде всего, из научно-технических разработок.

Философия, согласно расселовскому тезису, оказывает на нас особое воздействие, в отличие от других наук, связанное с «ее влиянием на жизнь всех, кто имеет с ней дело». Кто философствует, тот начинает жить по-другому. Превосходно! Однако возникают вопросы: Как по-другому? Что меняется? Каким образом философия влияет на нашу жизнь? Рассел впоследствии отвечает на эти вопросы, но не сразу, а через несколько страниц. Я цитирую: «Ценность философии не зависит от предполагаемой совокупности определенного установленного знания, которое усваивается теми, кто ее изучает. Ценность философии в действительности во многом необходимо искать в самой ее недостоверности» [4, с. 272].

И далее: «Человек, не обладающий философским складом ума, проходит сквозь жизнь, скованный предрассудками, проистекающими из здравого смысла, привычными взглядами современного века, своего народа и убеждениями, выросшими в его сознании без участия или согласия осмотрительного разума. Для такого человека мир представляется определенным, конечным, очевидным, обычные объекты не вызывают никаких воп-

росов, а необычные возможности презрительно отбрасываются. И наоборот, как только мы начинаем философствовать, мы сейчас же обнаруживаем, (...) что даже самые обычные вещи порождают проблемы, на которые можно дать очень неполные ответы. Философия, хотя она не может сказать уверенно, в чем истинный ответ на поднятые ею сомнения, способна предложить ряд возможных ответов, расширяющих нашу мысль и освобождающих ее от тирании обычая. Таким образом, уменьшая наше чувство уверенности относительно того, чем вещи являются, философия значительно увеличивает наши знания относительно того, чем они могут быть: она устраняет слишком притязательный догматизм тех, кто никогда не странствовал в царстве освобождающего сомнения, и оживляет наше чувство удивления, показывая обычные вещи в необычном свете» [4, с. 272–273].

Философия, добавлю к этой цитате от себя, – это сила – если не искушение – освободиться от оков обывательской жизни; руководство против глупости всезнайства, «заноза» (*Stachel*) для гнилой плоти комфортной определенности. Философия – это возможность уж лучше жить с неопределенностью, чем с определенностью, которой на самом деле нет, которая не более чем обман, идущий также от инертности сердца. Вы заметили, что эти положения, которые прямо вытекают из концепции философии Рассела, есть запоздалое свидетельство Сократа? Возможно, мы только сейчас начинаем действительно понимать, что означает его признание в том, что зная, он ничего не знает, что стало для нас очевидно только теперь, когда мы имеем дело не с частными особенностями характера Сократа, а с выражением обязательства, которое относится ко всем нам.

Итак, еще раз: кто философствует, тот живет по-другому. Но как? Что меняется? Склонность к философии узнается по желанию увидеть, понять, что есть на самом деле, замечать и прояснять то, в чем нельзя обмануться в многообразии реальности, которая представляет себя так, как она есть и не может быть иначе, даже вопреки приятному нам способу восприятия, диктуемому нашими желаниями и интересами. Философия освобождает нас – хотя бы частично – от слепого действия сил, вызванных господством нашего эгоизма, нашего «слишком человеческого», частного, нашей односторонней субъективной воли. Любой, кто когда-либо пережил этот освобождающий эффект, всегда будет помнить о нем, и будет испытывать смесь отвращения и жалости к себе, если станет искать другие так называемые «аргументы» для отстаивания своего мнения...

Таким образом, философия изменяет нашу жизнь, разобщая нас сначала с нашей собственной головой. Самый большой сюрприз ожидает нас тогда, когда мы достигаем некой ключевой точки, задаваясь вопросом, что мы думаем, отстаиваем и чувствуем сами, а что происходит случайным образом. Где я просто чувствую, что так правильно, а где это действительно «моя идея»? Короче говоря, достаточно одного лишь слова, которое объяснит, что ценность философии – это ее влияние на нашу жизнь. Это слово – свобода. Снова обратимся к Расселу, «Свободный интеллект будет видеть так же, как мог бы видеть Бог, – без "здесь и теперь", без надежд и страхов, без пут привычных взглядов и традиционных предрассудков, спокойно, беспристрастно, и руководствоваться одним и исключительным стремлением к познанию – познанию безличному, чисто размышляющему, которое только доступно человеку. (...) Сознание, привыкшее к свободе и беспристрастию философского размышления, сохранит кое-что из этой свободы и беспристрастия и в мире поступков и эмоций. Оно будет смотреть без упрямства на свои цели и желания, как на части целого, как на бесконечно малые фрагменты мира, значительнейшая часть которого не затрагивается человеческими поступками» [4, с. 275].

Эту свободу Рассел связывает с навыком глубокого размышления, с обретением дара принятия мира, чтобы сказать миру «да» и во всей глубине этого слова выразить себя. Рассел продолжает: «Размышление расширяет не только сферу нашей мысли, но также сферу наших поступков и чувств: оно делает нас гражданами мира, а не только гражданами одного укрепленного города, воюющего со всеми другими» [4, с. 275].

Возможно, самое важное для Рассела, что объясняет влияние и ценность философии, – это «освобождение от рабства мелких надежд и страхов». Во всяком случае, то, что следует далее, звучит более масштабно. Хотя философия уменьшает нашу интеллектуальную безопасность, она, по его словам, обогащает наше «интеллектуальное воображение». Это восхитительное словосочетание – «интеллектуальное воображение». Оно обозначает именно те философские возможности, которые требуются для философской практики.

Только философия, которая не боится назвать свой собственный талант «интеллектуальным воображением», есть, помимо всего прочего, возможность разумного анализа, способность, которая может проявиться в любой момент, а также отточенное сознание, для того, чтобы всегда придерживаться выбранного пути. Это добрая воля – вопре-

ки запретам до сих пор называемая практическим разумом! – добрая воля, которая не останавливается на полпути и не становится покорной, унылой и циничной... Только такая философия является плодотворной и может найти свое выражение в философской практике.

1. Ионеско, Э. Противоядия [Текст] / Э. Ионеско. М.: Издательская группа «Прогресс», «Литера», 1992. 480 с.

2. Кьеркегор, С. Наслаждение и долг [Текст] / С. Кьеркегор. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1998. 416 с.

3. Поппер, К. Какой мне видится философия [Текст] / К. Поппер // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб: Университетская книга, 2001. С. 123 – 136.

4. Рассел, Б. Проблемы философии; Джеймс У. Введение в философию. [Текст] / Б. Рассел, У. Джеймс. М.: Республика, 2000. 315 с.

5. Фейербах, Л. Отношение к Гегелю [Текст] / Л. Фейербах // Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в трех томах. М.: Мысль, 1974. Т. 3. С. 371 – 390.

6. Bubner, R. (1996), *Gedanken über die Zukunft der Philosophie, Deutsche Zeitung für Philosophie,* Brl., Nr. 5 (44): 743 – 758.

7. Horkheimer, M. (1978), *Dawn & Decline: Notes 1926–1931 and 1950–1969*, Seabury Press, NY, pp. 252.

References

1. Ionesko Je. (1992) Protivojadija. Moscow, Izdatel'skaja gruppa «Progress», «Litera», 480 p. [in Rus].

2. K'erkegor S. (1998) Naslazhdenie i dolg. Rostov-on-Don, Izd-vo «Feniks», 416 p. [in Rus].

3. Popper K. (2001) Kakoj mne viditsja filosofija // Put' v filosofiju. Antologija. Moscow, PER SJe; Saint Petersburg, Universitetskaja kniga, pp. 123–136 [in Rus].

4. Rassel B., Dzhejms U. (2000) Problemy filosofii; Dzhejms U. Vvedenie v filosofiju. Moscow, Respublika, 315 p. [in Rus].

5. Fejerbah L. (1974) Otnoshenie k Gegelju // Fejerbah L. Istorija filosofii. Sobranie proizvedenij v treh tomah. Moscow, Mysl', t. 3, pp. 371–390 [in Rus].

6. Bubner R. (1996), Gedanken über die Zukunft der Philosophie, Deutsche Zeitung für Philosophie, Brl., Nr. 5 (44), pp. 743–758 [in Deut].

7. Horkheimer M. (1978), Dawn & Decline: Notes 1926–1931 and 1950–1969, Seabury Press, NY, p. 252 [in Eng].

UDC 101.1-9

THE FUNDAMENTAL RULE OF PHILOSOPHIC PRACTICE

Achenbach Gerd B.,
International society of philosophic practice (IGPP),
Head of the regional department of IGPP,
Doctor of Philosophy, practical philosopher,
Bergisch Gladbach, Germany.
E-mail: post@Gerd-Achenbach.de

Annotation
The article interprets the essence and the importance of philosophic practice as a direction in modern philosophy on the basis of the analysis of the three fundamental theses characterizing its fundamental role. In conclusion the author proves the value of philosophic practice supported with the conception of B. Russell.

Key concepts:
philosophy,
philosophic practice,
philosophic consulting,
modern western philosophy,
K. Popper,
R. Bubner,
B. Russell.